

Цуй Се кивнул Шэнь Чжэну и, взяв рукописи, принесенные Тан Нином и остальными, принялся листать их. Читая, он то и дело прикрывал глаза и повторял строки про себя, а отложив бумаги, казалось, все еще оставался погруженным в изящный, утонченный слог, снова и снова вполголоса декламируя удачные выражения. Хотя он не высказал ни единого замечания, такое поведение польстило авторам больше любых похвал.

Однако Тан Нин окликнул его:

— Младший брат! — Тан Нин вырвал его из мира изящной словесности и произнес: — Ты прочел наши сочинения, так не пора ли и нам взглянуть на твои? Рукопись твоих «Записок о встрече с небожительницей» мы не решались выпрашивать на людях, но раз уж пришли к тебе домой, неужели ты не позволишь нам насладиться ею первыми?

Будь на их месте кто-то другой, Цуй Се еще потянул бы время. Но ведь перед ним были бесплатные критики! Разумеется, следовало дать им прочесть рукопись первыми, чтобы они написали побольше отзывов.

Цуй Се слегка прищурился, и на его лице расцвела искренняя радостная улыбка:

— О лучшем я не смел и просить. Прошу старших пройти со мной в кабинет.

Хотя Шэнь, Тан и остальные были бывалыми шэньюанями, убранство кабинета их изрядно поразило: такая маленькая, скромная комната, такие простые шкафы, но в них — целая стена книг! На противоположной от стеллажей стене висела белая доска с вырезанным желобом для обратного отсчета дней, оставшихся до уездного экзамена. Глядя на нее, гости и сами невольно затрепетали, принимаясь высчитывать, сколько времени у них осталось до следующего сянши.

Не прошло и получаса с тех пор, как они вошли в усадьбу Цуй, а образ Цуй Се в их глазах уже преобразился из избалованного барчука столичного чиновника в возвышенного книжника — человека, не стремящегося к роскоши, равнодушного к мирским благам, влюбленного в чтение и всем сердцем преданного подготовке к кэцзюй.

И на этом удивление от кабинета не закончилось.

Присмотревшись к книгам на полках, они заметили, что к корешку каждого тома приклеена полоска цветной бумаги с названием. Эти ярлыки строго различались по цвету в зависимости от раздела — каноны, история, трактаты или словесность, — так что классификация считывалась с первого взгляда. На полках прямо напротив двери стояли полные собрания «Пятикнижия», «Четверокнижия» и «Син ли» — редкие издания, которые обычно удавалось собрать лишь в уездных училищах.

Пусть в обществе и говорили, будто «У цзин да цюань» — лишь небрежно состряпанная компиляция трудов сунских конфуцианцев, но где обычному книжнику найти столь полное собрание сочинений эпохи Сун? Даже им, шэньюаням, приходилось всюду одалживать книги, а у этого скромного юноши стоял полный комплект «Дацюань»! Это не могло не вызвать у ученых мужей глубокой зависти.

Один из шэньюаней не удержался и, указывая на шкаф, спросил:

— Младший брат, это семья собрала для тебя эти книги? Можно... можно мне взглянуть?

Цуй Се охотно отозвался:

— К чему излишняя церемонность, старшие? Книги стоят на полках именно для того, чтобы их читали. Если что-то приглянулось — берите и читайте. А если захотите переписать, устраивайтесь на кане у северного окна, я велю принести четыре драгоценности кабинета. На этой узкой кушетке матрас высоковат: читать на ней удобно, а вот переписывать — спина затечет.

Шэньюань вздохнул:

— У тебя воистину широкая душа, младший брат! Что ж, тогда твой покорный старший брат не станет жеманиться.

Двое или трое ученых не выдержали, принялись прохаживаться вдоль стеллажей и искать нужные тома, но сразу переписывать постеснялись и просто устроились на мягкой кушетке за чтением.

Эта кушетка-диван оказалась необычайно удобной: откинувшись назад, поясница получала прекрасную опору, и напряжение уходило. Книжники, привыкшие годами сидеть за столом с выпрямленной спиной, редко давали себе такой отдых, поэтому, сев на диван, они уже не хотели вставать.

Тан Нин же и двое других любителей словесности уселись на кан, склонившись над четырьмя сшитыми вместе тетрадями рукописи. Рядом лежали новые черно-белые контурные рисунки. Сравнивая их с текстом, гости находили историю все более утонченно-чувственной: каждая из четырех красавиц обладала своим неповторимым очарованием, и все они были удивительными женщинами, ни с одной из которых не хотелось расставаться.

Тан Нин не удержался и произнес:

— А не написать ли мне по небольшой оде и для красавиц из трех остальных историй? Все они — бесподобные девы, так гоже ли выделять одну и оставлять лишь Ваньнин восхваляемой книжниками? И не только я, давай попросим брата Сюя, брата Лэ и остальных взять кисти. А ты напечатай наши оды перед основным текстом в качестве предисловия, как тебе идея?

Все дружно откликнулись согласием, выразив готовность написать статьи. Цуй Се искренне поблагодарил:

— О лучшем я не смел и просить! Сердечно благодарю старших за такое благосклонное отношение к этим красавицам.

Тан Нин оперся о стол и с улыбкой сказал:

— Я-то пленился красавицами, но вот брат Ван и остальные, боюсь, влюбились в твой кабинет, младший брат Цуй. Позволь мне проявить дерзость и попросить за всех: не разрешишь ли ты нам и впредь часто приходить к тебе в гости и читать? Мы люди благоразумные и не станем отнимать время, отведенное твоей учебе.

Цуй Се поглядел на тех, кто сидел на диване с томами «У цзин дацюань» в руках, и понимающе кивнул:

— Если старшие желают навещать мой дом, для младшего это великая честь. Однако эта комната слишком мала и не вместит всех. Не угодят ли старшие подождать несколько дней? Я перенесу кабинет в западный флигель, поставлю там побольше столов, стульев и кушеток, и все желающие смогут приходить и читать в свое удовольствие.

Он согласился так легко и охотно, что книжникам стало даже неловко, а Шэнь Чжэн, как человек богатый, и вовсе предложил обустроить этот кабинет за свой счет.

Цуй Се рассмеялся:

— Я заказываю простую мебель стоимостью в несколько цзяней серебра, затраты невелики, так что старшему Шэню не стоит беспокоиться. Одно лишь прошу иметь в виду: если во время чтения какая-то страница повредится, прошу сразу же переписать ее и подшить в конец, чтобы следующим читателям было удобно.

Столько книг он все равно не смог бы прочитать в одиночку, поэтому решил обустроить небольшой читальный зал. Так он сможет завести дружбу с книжниками через книги и завоевать среди них доброе имя.

Шэнь Чжэн вздохнул:

— Младший брат Цуй обладает благородством мужей древности, раз готов отдать такое ценное собрание книг на общий суд и чтение. Разве может твой покорный старший брат позволить тебе заниматься всем в одиночку? Как только читальня будет готова, я пришлю нескольких слуг из собственного кабинета, чтобы они следили за порядком и не допустили ни малейшей порчи твоих книг.

Те, кто сидел в обнимку с книгами, тоже в один голос поддержали:

— Младший брат Цуй доверяет нам столь ценные издания! Разве смеем мы злоупотребить твоим доверием и испортить книги? Если что-то пострадает, мы обязательно перепишем весь том целиком, чтобы ты не понес никаких убытков!

Почитав книги в доме Цуй добрую половину дня, они и после возвращения домой с восхищением вспоминали его кушетку-диван. Теперь, заводя речь о Цуй Се, они хвалили не только его изысканную бумагу для писем, но и неизменно добавляли: «Богатая библиотека, щедрая душа! Хоть он еще не поступил в училище, а держится как истинный просвещенный муж. Наш человек!»

Завоевав авторитет среди книжников, Цуй Се подтолкнул вверх и славу листов «Четыре красавицы». Они по праву заняли почетное место на письменных столах ученых и местных дворян как изысканное украшение. Дела в лавке управляющего Цзи шли с невероятным размахом: ежедневный оборот серебра достигал десятков, а то и сотен лянов.

На печать этой бумаги и «Сборника стихов сада Шэнь» они потратили в общей сложности чуть более двухсот лянов серебра. Но расходы полностью окупились уже за счет предзаказов с поэтического вечера на Праздник двойной девятки и крупного заказа молодого господина Вана, а остальное стало чистой прибылью.

Прежде, в самые успешные времена, лавка не приносила столько даже за месяц. Считая серебро, управляющий Цзи дрожал не только руками, но и всем сердцем. В конце месяца, подводя итоги, он поспешил принести ларчик с монетами и счетные книги в дом Цуй и пересчитывал деньги прямо перед Цуй Се, только тогда обретая покой.

Листая записи о движении средств в счетных книгах, Цуй Се к своему удивлению обнаружил, что продажи расписных листов не снижались со временем, а напротив, медленно росли. Хотя

книжники уже не скупали их с прежним ажиотажем, простые семьи стали покупать бумагу в качестве приличного подарка, публичные дома приобретали ее для своих девиц ради придания им утонченности, купцы развозили товар по другим уездам, а время от времени от молодого господина Вана приходили крупные клиенты, заказывавшие иллюстрированную бумагу сразу на сотни лянов.

Такой суммы с лихвой хватит, чтобы после сдачи экзамена на шэньюаня сразу отправиться в столицу и с комфортом жить там на постоялом дворе вплоть до окончания осенних экзаменов.

Если он провалит сянши, то тихонько вернется назад, и семья Цуй даже не узнает о его поездке в столицу. А если повезет сдать, он станет цзюйжэнем — ученым с официальным титулом и правом занимать государственные должности! Разве сможет тогда семья Цуй помыкать им, бить или лишать жизни по своему произволу?

От этих мыслей его охватил восторженный порыв, и он обратился к управляющему Цзи:

— Раз уж мы зарабатываем, нужно нанять еще несколько временных резчиков для досок, да и надежных постоянных работников привлечь не помешает. Бумага с изображениями «Четыре красавицы» продается так хорошо, что нужно ковать железо, пока горячо, и скорее выпускать в свет саму историю. Нельзя ждать, пока покупателям наскучат картинки и они потеряют интерес к книге.

Управляющий Цзи, хоть и был человеком в годах, сохранял молодой задор и готовность к великим делам. Он пообещал найти умелых резчиков и как можно скорее вырезать печатные доски для текста романа, после чего спросил Цуй Се, когда тот планирует выпустить новую партию иллюстрированной бумаги.

Но Цуй Се лишь качнул головой. Предварительное продвижение через поэтический вечер и расписные листы сработало на ура, и начальная реклама была сделана безупречно. Выпускать новые листы сейчас было бы излишне. В оставшееся время ему предстояло нарисовать иллюстрации к роману, прилагаемый разворотный плакат, а также подготовить еще один мощнейший козырь, незаменимый для успешных продаж...

<http://bllate.org/book/18372/1761278>